

Дом в Брюсовском переулке

Дом этот цел и поныне. Расположен он на тихой улице Неждановой, а во время советского здесь жилая застройка относилась к Брюсовскому переулку и имел порядковый номер 12. Добротную кирпичную коробку построили в 1928 году. Мало кто из современных москвичей знает, что это первый кооперативный жилой дом в городе, возведенный при новой власти. Именно тогда родилась широко известная аббревиатура — ЖСК. Владевшими квартирами в престижном доме были люди, известные — актеры, режиссеры, музыкальные деятели. Четырехкомнатную квартиру под номером 11 на втором этаже занимал Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

В момент вселения в новый дом Мейерхольд купался в лучах мировой славы. Он был руководителем театра, носившего его имя. Мейерхольд знал как Старый, так и Новый свет. В репетиционном зале при его появлении помощник режиссера командовал: «Встать! Мастер идет!». Для театра на Триумфальной площади начали строить огромное новое здание.

Под стать большому, знаменитому себе человеку жилища была и его жена. Она поражала ослепительной красотой. Когда супруги выходили из подъезда, все вокруг замирали в восхищении. Зинаида Николаевна Райх знали не только как красивую женщину, но и как талантливую актрису, игравшую главные роли в спектаклях ее мужа. Подлинным чудом стала «Дама с камелиями» по Александру Дюма. Вся культурная Москва ходила на этот спектакль с несравненной Зинаидой Райх в главной роли, чтобы поплакать над страстной романтической историей красивой любви, которой уже не было в окружающей жизни.

Актриса вышла замуж за Мейерхольда в 1922 году. До того она была женой Сергея Есенина. От их брака родились дочь Татьяна и сын Костя. Всех приютила большая квартира в Брюсовском, где находилось место и для покойной домработницы Лидии Анисимовны Чарнецкой, взятой откуда-то из под Витебска.

Кроме квартиры в Москве, кулленой Всеволодом Эмильевичем за свои деньги, он имел еще трехкомнатную квартиру в Ленинграде, в хорошем новом доме на набережной реки Карповки. Знаменитому режиссеру было удобно иметь свой угол в северной столице, поскольку он частенько бывал там, когда ставил свои спектакли.

В живописном поселке Горенки под Москвой Мейерхольды имели дом с большой террасой. Хотя его использовали как дачу, но, по сути, это был самый настоящий жилой дом. Райх купила его в 1926 году на деньги, полученные от издания четырехтомника покойного мужа Сергея Есенина — Тана и Костя по суду были признаны наследниками имущества великого поэта. Купчая была оформлена на детей, которые проводили в Горенках все лето под присмотром бабушки и дедушки — родителей Зинаиды Николаевны.

Долгое время никто не смел даже счастливой жизни Мейерхольдов. Даже пресловутый квартирный вопрос, который попортил немало нервов многим творцам. Неприятности начались в 1937 году, когда «Правда» напечатала статью «Театр, чуждый народу». Мейерхольд подвергся жесточайшей критике за формализм в творчестве, обвинялся во вредном влиянии на советских режиссеров и в задержании развития своего театра по пути социалистического реализма. Режиссера обвинили в провале антифашистских антинацистских тенденций, искажающих классическое наследие. Вспомнили, что он такти «Земля дыбом», поставленный в 1923 году, он не случайно посвятил «презренному врагу народа Троцкому».

Удар по театру Мейерхольда был не единственным и не выдал из общего контекста спорный спектакль «Судья» или опера «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Шостаковича, теперь вот пришла очередь театра. Мейерхольду предложили слить свое детище с Театром Революции и занять там должность рядового режиссера. Мастер отказался. Результат — статья в «Правде» и немедленное закрытие его театра.

Замерла стройка на Триумфальной площади. Был получен приказ: все работы прекратить. Мейерхольд тяжело переживал случившееся: новое здание театра возводили по проекту, который предусматривал немало технических новшеств, оригинальных усовершенствований. И вот ни театра, ни любимой работы, ни будущего. Режиссер сидел дома мрачнее тучи. Не звонил телефон, не навещали гости.

Пришла беда — отворяй ворота. Расстроенная жена сообщила, что арестовали отца Володи. Володя — зять. Его отец, Иван Иванович Кузнецов, был довольно известным в партийной среде деятелем, состоял членом Президиума ВЦИК. Через две недели забрали Володину маму. Отца зятя расстреляли, мать заточили в тюрьму на восемь лет. В сентябре 1938 года уехали и Володя, студента института им. Баумана, а также его старшего брата Юрия, работавшего инженером. Правда, в мае 1939 года их отпустили, но хвляно, наверное, доказательств, чтобы уехать в тюрьму.

Крик в ночи

Печаль и уныние поселились в некогда веселой и шумной одинадцатой квартире на втором этаже добротного дома в Брюсовском переулке.

Испытала сильнейшее нервное потрясение, связанное с закрытием театра, где она была ведущей актрисой, и опалой Мейерхольда, хозяйка квартиры сломалась настолько, что ей пришлось обратиться к психиатру. Двухлетняя болезнь появилась весной тридцать восьмого года. Несколько ночей подряд Зинаида Николаевна, охваченная приступом немощности, закрывалась в крике. Улышлась, как кричит Райх в трагическую для нее июльскую ночь тридцать девятого года, соседки потом рассказывали, что они подумали, будто у нее снова обострилась болезнь. А знаменитую актрису в это время убивали в ее комнате.

Однако не будем опережать события. После высылки Зинаиды Николаевны нигде не работала, в основном сидела дома, нигде не ходила. Наказала к дочери и родителям в Горенки, иногда там ночевала. В Москве принимала только близких родственников, а в конце июня 1939 года ее начал навещать некий таинственный молодой человек, ранее ей совершенно не знакомый. По словам Т. С. Есениной, обратившейся в 1988 году в Политбюро ЦК КПСС с просьбой о расследовании обстоятельств убийства матери, она не помнит уменьшенного изображения, которым мать ее называла. Незнакомый человек вроде бы где-то учился, собирал материалы, вроде бы ждал, что Зинаида Николаевна выйдет и обратилась к ней. Разда да Татьяна Сергеевна заставала его у матери, они разрались камнями.

Актриса ни с кем больше не общалась, вола затворнический образ жизни.

Самые громкие убийства в Москве

В. Мейерхольд на фоне портрета Зинаиды Райх.

А мастер? Его пригласил к себе Станиславский, который руководил оперным театром. Мейерхольд работал и в Ленинграде, где в свое время поставил «Пиковую даму» Чайковского — спектакль сумеречных и трагических настроений. Мейерхольд был учеником Станиславского, а последний имел официальный статус главного фигуранта зветского театрального искусства. Одним покровительством Станиславского в 1937 прекратилось вместе с его смертью в 1938 году.

Театральный Ленинград души не чаал в опальном мастере, и мастер отвечал городу взаимностью. Всеволод Эмильевич с радостью брался за любую работу, которую ему там предлагали. Организовывал и массовые мероприятия — все-таки хоть какое-то дело, отвлекающее от мрачных мыслей.

Получив очередное предложение помощи физкультурному институту имени Лесгафта подготовить праздничный спортивный парад, Мейерхольд засобирался в дорогу. 15 июня 1939 года он сел на Ленинградский поезд.

20 июня в его ленинградскую квартиру на набережной Карповки, дом 13, позвонил некто около шести часов утра. Гостей в такую рань вроде бы не приглашали. Мейерхольд вопросительно посмотрел на находившихся в квартире сестру Жени и ее мужа — артиста В. Пшенина, служившего в театре транспорта после закрытия театра Мейерхольда, в котором Пшенин был секретарем партийной организации. Родственники недоумоно пожали плечами.

Открывая пошел Мейерхольд. В прихожую вошли трое. Одного из них Мейерхольд знал — это был командант дома Родин. О профессиональной принадлежности остальных догадаться было нетрудно. Удостоверившись, что перед ним именно гражданин Мейерхольд Всеволод Эмильевич, они предъявили ордер на обыск в квартире и арест ее хозяйки.

Поблудневший режиссер молча наблюдал, как вошедшие перерывались ссорились, шарились по комнатам. Обыск продолжался около часа. После обыска арестованного отвезли на казенной машине во внутреннюю тюрьму Управления государственности УНКВД. По дороге конвоиры настороженно следили за каждым движением человека, санкцию на арест которого подлился в Москве сам Берия. Наверное, крупица надежды, что если звонки в Ленинград об аресте исходил от Кобулова, начальная часть НКВД. Такие большие люди мелочливо заниматься не будут, следовательно, от арестованного можно ожидать всяких фокусов. Однако опасения сопровождавших были напрасны: 65-летний арестованный словно окаменел и подавленно молчал в углу.

Обыск в тот же день проводился одновременно и в соседней квартире Мейерхольда в уже знакомом нам Брюсовском переулке, и на рабочем месте в оперном театре имени К. С. Станиславского, и на даче в Горенках. В отличие от мужа, отрешенно смотревшего на то, как работники НКВД переворачивают все вверх дном, Зинаида Николаевна бурно выражала свое возмущение. Она даже добилась (неслыханное дело!), чтобы в протоколе обыска в графе «Заявленные вещи» была отражена — притом самой обвиняемой! — крайняя грубость и дерзость сотрудников НКВД, производивших обыск. А их было аж пять человек.

Райх сделала им внушение: кроме дворника, они должны были приглашать еще другое постороннее лицо в качестве второго понятного. Неправильно, что обыскиваются ее личные вещи — ордером выписан на мужа! Неправильно, что обыск проводится в его отсутствие. Неправильно, что изъяты ее сберкнижки. Каждый изъятый папке с бумагами надо сделать отдельный опись.

Во время обыска в квартире находились сын Райх, децятидцатилетний студент Константин Есенин, и их домработница Чарнецкая. Дочь Татьяна, которой тогда исполнилось 21 год, вместе с ребенком и мужем проживала на даче в Горенках. Там же проводили лето ее дедушка и бабушка — родители матери. Обыск в Горенках прошел довольно быстро. Двое энквистов согласились вместе с собой Татьяну в Москву, поскольку они намеревались захватить квартиру в Брюсовском переулке. Когда Татьяна поднялась на второй этаж к матери, обыск уже не закончился.

Что обнаружил в ходе столь многотрудных усердных поисков? Письмо Зинаиды Райх на имя Сталина на 11 листах, письмо Ежову, заглавие на имя прокурора СССР Вышинского. Все эти документы были изъяты при обыске. Однако содержание их неизвестно — в уголовном деле они отсутствуют. Высказываются предположения, что впоследствии их уничтожили.

Незапертая балконная дверь

Произведя обыск и изъяв показавшиеся им важными материалы, работники НКВД перед уходом из квартиры опечатали две комнаты — кабинет Мейерхольда и примыкавшую к кабинету переднюю.

Никто из жильцов в тот момент не вспомнил, где, ведущая из кабинета на балкон, осталась незапертой. Летом

Сегодня «Вечерка» открывает новую рубрику, под которой намерена опубликовать цикл материалов о дерзких преступлениях, державших в напряжении весь город. Многие из них и по сей день остаются нераскрытыми. Много тайн в деле об убийстве актрисы Зинаиды Райх — жены Сергея Есенина, а потом Всеволода Мейерхольда.

Нож с кривым лезвием

ее обычно не запирали, и потому на эту деталь не обратили внимания. К тому же кабинет опечатали, а к дверям прислонили громоздкий сервант из передней. В кабинет ходу теперь не было. Зинаида Николаевна и ее детям, потрясенным известием об аресте мужа и отца, а также же сцене обыска, было не до какой-то там открытой балконной двери, оставшейся за опечатанным кабинетом.

И наконец — именно через эту дверь спустя немногим менее месяца ночью в квартиру проникли убийцы Зинаиды Николаевны.

В. Мейерхольд.

В публикациях об этом таинственном происшествии, а они впервые появились лишь в самом конце восьмидесяти годов и имели преимущественно обвинительный уклон в адрес НКВД, выделялось действительно необычайные обстоятельства — почему лица, производившие обыск и опечатание кабинета Мейерхольда, не закрыли и тем более не заперли балконную дверь?

По мнению авторов периода государственной перестройки и гласности, специализировавшихся на обличении преступлений сталинской системы, приехавшие с обыском в Брюсовский переулок энквисты не могли не видеть, что к балкуну квартиры почти вплотную примыкает неказистое одноэтажное строение, с крыши которого перемахнуть через перила — пара пустяков. Версия вполне правдоподобна, непонятно лишь, одно — кто и для чего должен был проделывать этот путь? Обыск произведен тщательно, все, что представляло интерес для следствия, изъято. Даже в самом подозрительном месте не могли зарыться предположение, что кто-то через балкон вернется в опечатанный кабинет.

Впрочем, факт оставшейся открытой балконной двери может иметь самое тривиальное объяснение. Обыскиваемая квартира была четырехкомнатной, с двумя противоположными выходами на лестничную площадку, и ее габариты, конечно же, не могли не произвести впечатления на производивших обыск. Сегодня об этом приходится лишь гадать, потому что имевшие место факты и события сильно политизированы и до сих пор носят конъюнктурный характер. В одних источниках утверждается, например, что спустя несколько дней после обыска и опечатания кабинета, как раз накануне убийства, квартиру посетили двое незнакомцев. Татьяна Сергеевна Есенина в письме в Политбюро ЦК КПСС в 1983 году назвала этот приход странным. По ее мнению, пришедшие во второй раз были из числа тех, кто производил обыск 20 июня. Вместе с тем Татьяна Сергеевна делает существенное уточнение: сама она их не видела, была на даче в Горенках. Она также сообщает, что были опечатаны еще две комнаты.

Цель опечатания комнат в квартире

жертве по кабинету, дверь которого, выходит, была не заперта на ключ. Предусмотрительно? Визит был рекогносцировкой?

О тех двоих уже никто никогда не расскажет. Их видели, с ними общались хозяйка квартиры и домработница. Одна убита, второй тоже нет в живых. Тупик.

Письмо Т. С. Есениной в Политбюро пространное и довольно сбивчивое. Ей было 70, когда взялась за перо. Сумбурность, перескоки с одной мысли на другую. Чтобы вынуть, надо прочесть несколько раз. Есть ли на чем зацепиться глазу? Есть. Татьяна Сергеевна пишет: эти двое опечатали еще две комнаты, ее и Костину. Стало быть, отлученные под лежал и они. Почему же их не опечатали в первый раз, а только кабинет Мейерхольда и примыкавшую к нему переднюю? Потому что сначала отлученные под лежала лишь лодыжница, которую занимал Мейерхольд.

В. Мейерхольд.

Из кабинета Мейерхольда злоумышленники проследовали в комнату, где за столиком, придя из ванной, сидела Зинаида Николаевна. В ту ночь она долго не ложилась спать, ломала голову, как жить дальше.

Трудно сказать, кто испугался больше — хозяйка или ворвавшиеся злоумышленники. По идее, они должны были рассматривать на то, что она спит. Иначе какой смысл проникать в квартиру? С другой стороны, неужели со двора не было видно освещенное окно? Или преступники и в самом деле были жалкими дилетантами, пошедшими на дело без сколько-нибудь серьезной подготовки?

Увидев перед собой неизвестно откуда взявшихся незнакомцев, хозяйка, наверное, испуганно воскликнула. Один из ворвавшихся схватил ее за руки. Зинаида Николаевна, по свидетельству ее дочери, была физически очень сильной и, скорее всего, оказала яростное сопротивление. О том, что борьба была отчаянной, свидетельствовали единственная с места мебели, поваленные стулья, разбрызгавшаяся по комнате кровь. Очевидно, поняв, что с хозяйкой не управятся голыми руками, второй сообщник ударил ее по голове. На теле несчастной было обнаружено семнадцать ножевых ранений груди и одно — шею.

Звуки борьбы и крики разбудили домработницу. Вскочив с постели в своем закутке, она бросилась по коридору в направлении шума и тоже закричала от страха, не понимая, что там происходит. Когда она поравнялась с дверью хозяйкиной комнаты, навстречу метнулась чья-то тень, и в ту же минуту домработница свалилась на пол, по которой по которой больно садалуи чем-то острым. Кровь залила лицо, но Лидия Анисимовна успела заметить: человек, только что нанесший ей удар, поцеловал мимом, повернул руку французского замка и выбежал из квартиры.

Свидетельства домработницы подтвердились следами, которые убегающий преступник оставил на стенах вдоль лестницы между вторым и первым этажами. Он бежал, отталкиваясь для скорости ладонью, и ее отпечатки на штукатурке были пропитаны кровью. Второй сообщник покинул квартиру тем же путем, которым и вошел — через балкон. На это указывали обнаруженные кровавые следы его бегства.

Лидия Анисимовна нашла в себе силы

выбежать на лестницу и позвать на помощь. Ее крики услышал дворник Андрей Саркисов, спавший в своей каморке на первом этаже. Увидев окровавленную домработницу, он вызвал «скорую помощь».

— Что с хозяйкой? — спросил Саркисов. — Н-не знаю. Наверное, плохо, — сказала Лидия Анисимовна и потеряла сознание.

Саркисов пытался открыть дверь квартиры, но безуспешно. Французский замок защеппнулся изнутри. Двои дворник приставил лестницу к открытому окну кухни и через него пролез в квартиру. Райх лежала в своей комнате в большой луже крови. Приехала «скорая». Раненая была еще жива, когда ее перенесли в машину. По одним сведениям, актриса умерла по дороге в больницу, сказав врачу «скорой»: «Не трогайте меня, доктор, я умираю»; по другим — когда ее привезли в больницу.

На этой же «скорой» труп доставили в домработницу Чарнецкую. Ей позволили выписаться из больницы. Квартира в Брюсовском переулке была пуста и опечатана, и одинокой женщине, едва пришедшей в себя от потрясения, ничего не оставалось, как ехать в Горенки. Ее встретили с радостью, отлепи от кучи.

Однако дышать свежим деревенским воздухом домработнице пришлось недолго. В Горенки приехали сотрудники МУРа и уехали вместе с собой. На Лидию Анисимовну сыщики возлагали большие надежды: домработница была единственной живой свидетельницей преступления.

Убийство Зинаиды Николаевны Райх случилось в ночь с 14 на 15 июля 1939 года. Нападавших было двое. Они проникли в

квартиру через балкон, к которому примыкала крыша одноэтажного нежилого строения. Дверь балкона, как мы знаем, была не заперта — то ли случайно, то ли с умыслом — с 20 июня, когда в квартире производился обыск, и кабинет Мейерхольда опечатали.

Перемахнувшись через перила балкона, преступники оказались в опечатанном снаружи и тоже незапертом кабинете, путовшем 25 суток. Естественно, за это время он покрывался пылью — балкон-то ведь был открыт! Судя по следам, которые оставили убийцы, они не очень-то беспокоились, что их могут идентифицировать. Сыщики из МУРа, занимавшиеся расследованием, обнаружили на ящиках с бумагами, оставшихся после обыска, множество отпечатков пальцев. Преступники рылись в ящиках с какой-то целью, известной только им. Искли ценности? Наследили нарочно, чтобы направить следствие в ложную сторону, создать впечатление у сыщиков, будто здесь побывали грабители-дилетанты?

В отношении мужа Татьяны Сергеевны и его старшего брата Ивана следствие сочло необходимым избрать в качестве меры пресечения арест и содержание под стражей. Устраивали очные ставки с домработницей Чарнецкой на предмет опознания в Иване Кузнецове того самого человека, который выехал ей навстречу и ударил острым предметом по голове. Мужа Татьяны Сергеевны не отпустили из под стражи в течение четырех месяцев, подвергая строгим допросам.

Впрочем, перечисление всех допрошенных по этому делу заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся именами выше названных ближайших родственников, что свидетельствует об искреннем стремлении следствия докопаться до истины, и перейдем сразу к результатам. Они оказались нулевыми.

Последним, кто видел актрису в ту роковую ночь до прихода убийц, был все тот же таинственный молодой человек, зачехливший к ней с конца июня. Спустя некоторое время после того, как Татьяна Сергеевна покинула квартиру в Брюсовском переулке и поехала к себе в Горенки, к Зинаиде Николаевне снова пожаловал тот самый юноша. По свидетельству домработницы, он ушел из комнаты Райх не раньше чем в первом часу ночи. Татьяна Сергеевна тоже вспоминала — то ли в тот приезд, то ли раньше мать говорила, будто она попросила его продать свои золотые швейцарские часы и еще кое-какие вещи.

Однако молодой человек словно в воду канул. Он исчез бесследно вместе с ценностями, которые дала ему для продажи Зинаида Николаевна. Наводили? Исполнитель? Организатор? Вполне вероятно, особенно если учесть, что преступник, нанесяший удар по голове домработницы, не только превосходно ориентировался в квартире, несмотря на темноту, и знал, где входная дверь, но и что она мгновенно открывается благодаря французскому замку. Это обстоятельство утверждало муравей в предположении, что без соучастия, сознательного или невольного, дело не обошлось, отсюда и повышенное внимание ко всем, кто был вхож в квартиру.

Спустя полгода превращавшее это дело в загадку Политбюро эксперты направили к Зинаиде Николаевне версию убийства весьма веротной. Прошли десятилетия, углеские стриты, появилась возможность взглянуть на трагедию беспристрастно, незаинтересованными взглядами, и перед специалистами открылись изымы тогдашнего шпионского политизированного следствия. Их — отнять должное Муромцам: они не исключали, что в квартире побывали грабители-дилетанты с улицы, но непереносимые поживиться в доме, оставшиеся метастазами, вещи, включая штукатурку с украшениями, — о стоимости которых ходили слухи.

Может, помешала не спавшая Зинаида Николаевна, ее отчаянное сопротивление, которого они никак не ожидали от женщины, и потому вынужденные были пустить в ход нож; может, ступнула проснувшаяся домработница. А может, то и другое вместе.

И все же общая атмосфера жизни второй половины тридцатых годов — подозрительность, шпиономания, доноситечество — несомненно, сказались на расследовании этого убийства. Сыщики вольно-невольо жужжали по законам своего времени. А оно было непростое.

Муж убитой, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, находился под следствием в тюрьме на Лубянке и обвинялся в активной шпионской работе, направленной против СССР. Сегодня с высоты наших дней можно сколько угодно иронизировать по поводу тогдашних обвинений режиссера в том, что он троцкист и японский шпион, но представить тридцать девятый год, следовательно, которого под расписанием показывали, что убивает Зинаида Райх могло быть совершенно естественно соображениями ее мужа. Соображениями?

Третьего января 1938 года японская супружеская пара нелегально пересекла советско-апоноскую границу на Сахалине. В тот же день нарушители были задержаны советскими пограничниками и переданы органам НКВД. «Супруги» признались, что он шпион, посланный в СССР японским генеральным штабом. Цель переброки — связаться со шпионом Мейерхольдом и совместно проводить диверсионные операции. В том числе и в отношении товарища Сталина. Это нелепое обвинение впоследствии не подтвердилось.

Надо ли описывать душевное состояние следователя, которого посветили в государственную тайну особой важности? Не забудьте, что расследование происходило в период резко обострившихся советско-апоноских отношений, приведших к боевым действиям на Хасане и Халхин-Голе. Так что версия об устранении Зинаиды Райх сообщниками разоблаченного мужа-шпиона выглядела вполне правдоподобно. Лишь позднее следствие, свидетельствуя молча и с помощью засланных угловиков.

Что греха таить, имела место и такая версия. Загадочное преступление истолковывалось, да и сейчас истолковывается по-разному. Отец убитой, персональный пенсионер Николай Андреевич Райх считал, например, что преступление совершено с единственно мародерской целью — завладеть квартирой, а все многочисленные слухи и подозрения по поводу убийства, чтобы замести следы. Говорят и о том, будто после трагедии в трехкомнатную квартиру выехала чья-то пассива — молодая и красивая, а в однокомнатную — шofer Берии с семьей. Как помнит читатель, четырехкомнатную квартиру Мейерхольдов в Брюсовском переулке разделили на две отдельные.

Случилось это уже в октябре 1939 года. Мейерхольды уже жие и в квартире на Лубянке ожидали своего, который приговорили его к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества 1 февраля 1940 года.

Николай ХОТИНСКИЙ
Фото Сергея ДЖЕВАНШИЛИ
и из архива музея Мейерхольда

Сможет ли она опознать тех, кто убил хозяйку?

Свидетели и обвинители

Дело об убийстве актрисы Райх вел МУР. По подозрению были задержаны и допрошены около 20 человек.

К сожалению, домработница Чарнецкая не оправдала надежд сыщиков. Она никогда не запомнила — было темно, все произошло внезапно, в одно мгновение, среди глубокой ночи.

Дальнейшая судьба этой женщины теряется в потемках предположений. По версии помощника прокурора Москвы В. Рибова, занимавшегося проверкой письма Т. С. Есениной в 1988 году, домработницу Чарнецкую отправили в лагерь для наказания; неизвестно за что ею получено. Сама же Татьяна Сергеевна свидетельствует: Лидию Анисимовну держали в тюрьме (наверное, все же в следственном изоляторе. — Авт.) около двух месяцев. Вернувшись измученная, ни о чем не рассказывала, через несколько дней уехала на родину в Витебск.

Домработница и Татьяна Сергеевна — в качестве свидетелей. В последний раз она видела мать за несколько часов до убийства — вечером 14 июля. На Петровке ей показали, судя по всему, орудие убийства — большой складной нож с кривым лезвием — и спросили, знаком ли он ей. «Нет», — ответила она. Эту штуку она и впрямь видела впервые.

В отношении мужа Татьяны Сергеевны и его старшего брата Ивана следствие сочло необходимым избрать в качестве меры пресечения арест и содержание под стражей. Устраивали очные ставки с домработницей Чарнецкой на предмет опознания в Иване Кузнецове того самого человека, который выехал ей навстречу и ударил острым предметом по голове. Мужа Татьяны Сергеевны не отпустили из под стражи в течение четырех месяцев, подвергая строгим допросам.

Впрочем, перечисление всех допрошенных по этому делу заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся именами выше названных ближайших родственников, что свидетельствует об искреннем стремлении следствия докопаться до истины, и перейдем сразу к результатам. Они оказались нулевыми.

Последним, кто видел актрису в ту роковую ночь до прихода убийц, был все тот же таинственный молодой человек, зачехливший к ней с конца июня. Спустя некоторое время после того, как Татьяна Сергеевна покинула квартиру в Брюсовском переулке и поехала к себе в Горенки, к Зинаиде Николаевне снова пожаловал тот самый юноша. По свидетельству домработницы, он ушел из комнаты Райх не раньше чем в первом часу ночи. Татьяна Сергеевна тоже вспоминала — то ли в тот приезд, то ли раньше мать говорила, будто она попросила его продать свои золотые швейцарские часы и еще кое-какие вещи.

Однако молодой человек словно в воду канул. Он исчез бесследно вместе с ценностями, которые дала ему для продажи Зинаида Николаевна. Наводили? Исполнитель? Организатор? Вполне вероятно, особенно если учесть, что преступник, нанесяший удар по голове домработницы, не только превосходно ориентировался в квартире, несмотря на темноту, и знал, где входная дверь, но и что она мгновенно открывается благодаря французскому замку. Это обстоятельство утверждало муравей в предположении, что без соучастия, сознательного или невольного, дело не обошлось, отсюда и повышенное внимание ко всем, кто был вхож в квартиру.

Спустя полгода превращавшее это дело в загадку Политбюро эксперты направили к Зинаиде Николаевне версию убийства весьма веротной. Прошли десятилетия, углеские стриты, появилась возможность взглянуть на трагедию беспристрастно, незаинтересованными взглядами, и перед специалистами открылись изымы тогдашнего шпионского политизированного следствия. Их — отнять должное Муромцам: они не исключали, что в квартире побывали грабители-дилетанты с улицы, но непереносимые поживиться в доме, оставшиеся метастазами, вещи, включая штукатурку с украшениями, — о стоимости которых ходили слухи.

Может, помешала не спавшая Зинаида Николаевна, ее отчаянное сопротивление, которого они никак не ожидали от женщины, и потому вынужденные были пустить в ход нож; может, ступнула проснувшаяся домработница. А может, то и другое вместе.

И все же общая атмосфера жизни второй половины тридцатых годов — подозрительность, шпиономания, доноситечество — несомненно, сказались на расследовании этого убийства. Сыщики вольно-невольо жужжали по законам своего времени. А оно было непростое.

Муж убитой, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, находился под следствием в тюрьме на Лубянке и обвинялся в активной шпионской работе, направленной против СССР. Сегодня с высоты наших дней можно сколько угодно иронизировать по поводу тогдашних обвинений режиссера в том, что он троцкист и японский шпион, но представить тридцать девятый год, следовательно, которого под расписанием показывали, что убивает Зинаида Райх могло быть совершенно естественно соображениями ее мужа. Соображениями?

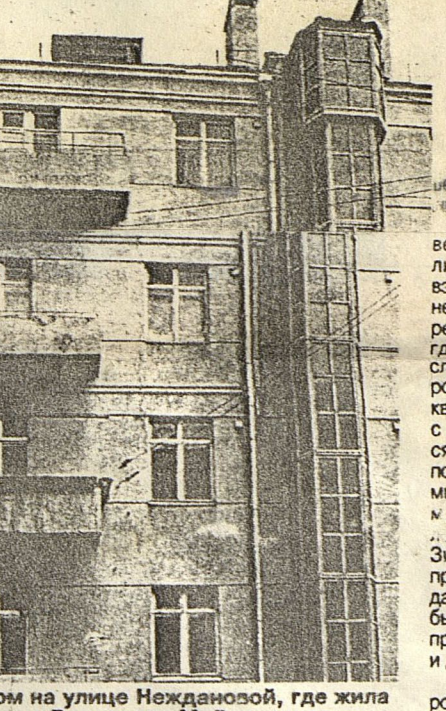
Третьего января 1938 года японская супружеская пара нелегально пересекла советско-апоноскую границу на Сахалине. В тот же день нарушители были задержаны советскими пограничниками и переданы органам НКВД. «Супруги» признались, что он шпион, посланный в СССР японским генеральным штабом. Цель переброки — связаться со шпионом Мейерхольдом и совместно проводить диверсионные операции. В том числе и в отношении товарища Сталина. Это нелепое обвинение впоследствии не подтвердилось.

Надо ли описывать душевное состояние следователя, которого посветили в государственную тайну особой важности? Не забудьте, что расследование происходило в период резко обострившихся советско-апоноских отношений, приведших к боевым действиям на Хасане и Халхин-Голе. Так что версия об устранении Зинаиды Райх сообщниками разоблаченного мужа-шпиона выглядела вполне правдоподобно. Лишь позднее следствие, свидетельствуя молча и с помощью засланных угловиков.

Что греха таить, имела место и такая версия. Загадочное преступление истолковывалось, да и сейчас истолковывается по-разному. Отец убитой, персональный пенсионер Николай Андреевич Райх считал, например, что преступление совершено с единственно мародерской целью — завладеть квартирой, а все многочисленные слухи и подозрения по поводу убийства, чтобы замести следы. Говорят и о том, будто после трагедии в трехкомнатную квартиру выехала чья-то пассива — молодая и красивая, а в однокомнатную — шofer Берии с семьей. Как помнит читатель, четырехкомнатную квартиру Мейерхольдов в Брюсовском переулке разделили на две отдельные.

Случилось это уже в октябре 1939 года. Мейерхольды уже жие и в квартире на Лубянке ожидали своего, который приговорили его к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества 1 февраля 1940 года.

Николай ХОТИНСКИЙ
Фото Сергея ДЖЕВАНШИЛИ
и из архива музея Мейерхольда

Дом на улице Неждановой, где жила семья Всеволода Мейерхольда.

